

Изъ писемъ императора Николая Павловича къ М. Ф. Паскевичу *).

1850—1855.

Николаю Павловичу не было пяти мѣсяцевъ отъ роду, когда скончалась его державная бабушка, которая считала своихъ внучатъ дѣтьми Россіи и потому не допускала, чтобы двое старшихъ изъ нихъ воспитывались подъ вліяніемъ ихъ родителей: она хорошо понимала, что тогда они выросли бы Виртембергцами или Прусаками. Императоръ Павелъ, воцарившись, проявилъ свою отеческую власть. Онъ питалъ особенную нѣжность къ третьему своему сыну, что проявлялъ нерѣдко: такъ, младенцу Николаю положили за пазуху прошеніе княгини Дапиковой о пощадѣ; взявъ сына къ себѣ на колѣни и прочитавъ эту бумагу, онъ тотчасъ же дозволилъ княгинѣ возвратиться изъ глухой Пошехонской деревни въ благоустроенное ея имѣніе подъ Серпуховымъ. Покойный графъ В. Ф. Адлербергъ помнилъ, какъ нѣжно благословлялъ Павелъ Петровичъ сына, когда передъ отходомъ ко сну приносили его къ нему, что было и 11-го Марта 1801 года.

Николай Павловичъ всю жизнь вспоминалъ про своего отца, называя его: *Mon malheureux père* (мой несчастный отецъ). Ему были мало извѣстны ужасы Павловскаго царствованія, объясняемая болѣзненностью; но онъ хорошо зналъ про его великодушіе, про широту замысловъ, про отвращеніе къ крѣпостному праву (вызвавшее законъ о трехдневной на господѣ работѣ), о самобытности его ума, о своеобразіи въ отношеніяхъ къ людямъ. Письменные приказы Павла Петровича, его мѣткіе отзывы о событіяхъ и лицахъ были, конечно, ему извѣстны, и онъ любилъ находить въ себѣ сходство со злополучнымъ своимъ родителемъ. Такъ, въ Москвѣ въ 1849 году, передъ открытіемъ Венгерскаго похода, онъ говорилъ князю С. М. Голицыну, что, какъ Павелъ Петровичъ Суворовскими походами спасъ Австрію отъ Французовъ, такъ теперь онъ желаетъ спасти ее отъ мятежныхъ Венгровъ.

При тогдашнемъ полномъ отсутствіи гласности, Венгерскій походъ былъ для Россіи неожиданностью, а въ молодомъ поколѣніи самыя успѣхи нашихъ войскъ не пробуждали сочувствія: въ церквахъ читались тѣже молитвы какъ

*) См. выше стр. 5.

въ 1812 году, и мы должны были просить Бога о защитѣ противъ нападающихъ на насъ враговъ! Святѣйшій Синодъ не позаботился переимѣнить эктению (любопытно, какая читалась она во время войны Турецкой 1828—1829 г. г. и во время Польскаго мятежа). Сходство съ отцомъ росло.

Торжествуя надъ Венграми, Николай Павловичъ въ тоже время подавлялъ всякое умственное движеніе въ Россіи. Греческій языкъ, знаніе котораго якобы содѣйствуетъ вольномыслію, изгнанъ изъ гимназій; число студентовъ въ университетахъ должно было не превышать 300 человекъ, кафедры философіи закрыты (тогда лишился своей Катковъ). Дмитрій Ерошеевичъ Сакенъ, отличившійся въ эту войну, мимоходомъ сказалъ пріѣхавшему въ Варшаву князю Воронцову: „А меня все таки не дѣлають генераломъ-адъютантомъ“. Воронцовъ пересказалъ эти слова Паскевичу, тотъ доложилъ Государю, который выразился: „очень радъ, но я до сихъ поръ думалъ, что Сакенъ охотнѣе служить государству, а генераль-адъютантство есть служба и лично мнѣ“. Когда Сакенъ вышелъ изъ Государева кабинета, куда ходилъ благодарить за пожалованіе, то бывшіе въ пріемной комнатѣ замѣтили на глазахъ у него слезы. Воронцовъ потомъ спрашивалъ Сакена, отчего это.—„Да изъ разговора съ Государемъ я убѣдился, что больше уже нельзя ждать отъ него добра для Россіи; онъ вообразилъ себя властелиномъ всей Европы“. Тогда-то Хомяковъ написалъ свои стихи „Навуходоносоръ“.

Самыя отношенія Государя къ отцу-командиру измѣнились. Біографъ Паскевича уже не приводитъ полностью писемъ Николая Павловича, а только выдержки изъ нихъ или отдѣльныя выраженія, какъ напр. про Англію, грозившую разорить Аѳины изъ за уплаты денегъ Еврею Пасифико. П. Б.

*

„Англійское (свинство) въ Греціи есть второй томъ ихъ поступка съ Датчанами; но тѣ могли защищаться, а Греки нѣтъ. Франція уже вступилась посредничествомъ, а я протестовалъ. Даже Англійскіе журналы бранятъ Пальмерстона. Но... совершенное послужить намъ урокомъ, что отъ этого разбойничьяго правленія всего ожидать можно, когда вздумается ему подъ предлогомъ своихъ интересовъ что-либо занять. Для этого и надо быть всегда готову ихъ принять, и для того укрѣпляю Кронштадтъ и держу флотъ на готовѣ. Теперь злости Пальмерстона на насъ не будетъ мѣры, и мы должны ожидать, что онъ ко всему придираться будетъ, чтобы вредить намъ, ежели не гласно, такъ тайно“.

Смерть Роберта Пиля, случившаяся въ то время, усилила власть и политическое значеніе Пальмерстона. По этому поводу Государь писалъ князю Паскевичу: „Боленъ и самъ Веллингтонъ; ежели онъ тоже умретъ, Англія лишится послѣдней опоры своей правому дѣлу, и не вѣсть, что будетъ“.

Но иногда, какъ и въ Павлѣ, гордыню смѣняло христіанское чувство, и онъ смиряетъ себя передъ княземъ Паскевичемъ.

Въ отвѣтъ на поздравленіе съ 25-ти лѣтіемъ царствованія, Государь писалъ кн. Паскевичу: „Счастливъ бы я былъ, если бы смѣлъ надѣяться, что труды мои были не тщетны для блага Россіи; но для славы ея не я, а ты былъ дѣятеленъ“. Министры, каждый по своему вѣдомству, поднесли ему отчеты (одинъ даже озаглавилъ: „за первое двадцатипятилѣтіе“), а въ Берлинѣ вышла картинка художника Крюгера, на которой архіереи кадятъ ему, а надъ его головою круги еще въ нѣсколько двадцатипятилѣтій¹⁾; но Государь чувствовалъ себя утомленнымъ и однажды выразился: „Солдату положенъ срокъ службы, и я хочу подать въ отставку“. Это было въ Москвѣ. Служившій тогда въ первомъ батальонѣ Преображенскаго полка Н. Н. Вельяминовъ сказывалъ мнѣ, что онъ былъ очевидцемъ, какъ, рано утромъ, къ вышедшему на прогулку Николаю Павловичу подошли изъ за Успенскаго собора три бородатыхъ старика съ блюдами, на которыхъ наложены были деньги, и просили Государя принять на прожитокъ. Государь умилился, поблагодарилъ и приказалъ поднесшимъ истражить на какое либо благотворительное дѣло. Еще прежде, въ Нижнемъ Новгородѣ, восхищаясь красотою мѣстности, Николай Павловичъ сказалъ: „Вотъ здѣсь построю себѣ домъ и въ немъ стану жить по выходѣ изъ службы“.

Въ Декабрѣ 1851 года, когда Людовикъ Наполеонъ утвердился во Франціи, Государь писалъ князю Паскевичу:

„Кажется, есть надежда, что по крайней мѣрѣ со стороны Франціи опасность не будетъ угрожать, благодаря умнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ Louis-Napoléon. Дай Богъ только, чтобъ его здравый разумъ удержался въ мѣрахъ благоразумія и умѣренности и не завлекъ въ императорскія затѣи и въ желаніе основать свою династію. Ежели это будетъ, то опять возникнутъ крайнія затрудненія. Одинъ титулъ императора, доколь Франція останется республикой, а императоръ ея выборный, какъ бывали короли Польскіе, то это еще сбыточно; но династіи незаконной мы основывать не можемъ допускать отнюдь“. Позднѣе, получивъ извѣстіе, что имперія не замышляется: „Желаю, чтобы было такъ, но увѣреннымъ не могу быть, потому что актъ противъ Орлеанской фамиліи (декретъ 10—22 Января 1852 о конфискованіи Орлеанскаго дома) рушилъ личное мое довѣріе къ Луи-Наполеону“.

Сношенія начались въ Берлинѣ, куда Людовикъ-Наполеонъ имѣлъ дерзость прислать къ Николаю Павловичу съ привѣтствіемъ убійцу Пушкина Гекерна. Русскому Государю пришлось принять бывшего кавалергарда нашей службы. Онъ даже спрашивалъ, вскрытъ ли имъ пакетъ, который ему былъ врученъ при выѣздѣ изъ Россіи, и тотъ отвѣчалъ, что до сихъ поръ (т. е. черезъ 15 лѣтъ) не имѣлъ духу вскрыть его²⁾.

¹⁾ Продажу этой картины Государь воспретилъ, и она теперь большая рѣдкость. Мнѣ ее подарилъ Ю. ѳ. Самаринъ. П. Б.

²⁾ Чтò было въ этомъ пакетѣ, до сихъ поръ не узнано. П. Б.

„Кажется, лордъ Дерби честный и благонамѣренный человекъ, но устоитъ ли? Все боятся затѣй Луи-Наполеона. Страхъ этотъ намъ полезенъ; но не думаю, чтобы Наполеонъ точно замышлялъ атаковать кого-либо, ибо нѣтъ ему въ томъ пользы, развѣ раздражить его, чего бы избѣгать требовалъ здравый разумъ и что не перестая твердить. Про затѣи Луи-Наполеона—прежніе толки; но не думаю, чтобы теперь же замышлялъ быть императоромъ, а еще менѣе, чтобы отважился на войну: она ему невозможна... Пришлось мнѣ ободрять однихъ и унимать другихъ; будущее въ рукахъ Божиихъ“.

На похороны герцога Веллингтона (1852 г.) посланъ былъ подручникъ князя Паскевича, князь М. Д. Горчаковъ. Государь писалъ:

„Быть можетъ, и про военныя мѣры для общей обороны противъ императорскихъ завоевательныхъ похотей Louis-Napoléon тамъ рѣчь будетъ; для того и хорошо, чтобы Горчаковъ все слышалъ, видѣлъ и судилъ своимъ взглядомъ на то, чего ожидать. Я не полагаю, однако, чтобы опасность вблизи была, какъ многіе думаютъ... потому что не вижу Louis-Napoléon пользы теперь зачинать войну, безъ причины, чѣмъ бы всѣхъ возстановилъ противъ себя для общей обороны. Что впредь будетъ—другое дѣло. Мы готовы, будемъ спокойно смотрѣть на предстоящее“.

Позднѣе: „Ожидаемъ императорства во Франціи и посмотримъ, подъ какимъ предзнаменованіемъ. Покуда дурного ничего не жду, но будемъ готовы. Богъ видимо ведетъ симъ дѣломъ, открывъ глаза, на какую пропасть взаимные раздоры всѣхъ поставили и что имъ угрожало. Мы же спокойно смотримъ, говоримъ гласно всѣмъ, что думаемъ, къ чему готовы или чего не потерпимъ. Точно сонъ. Покуда, кажется, по словамъ его и по первымъ сообщеніямъ, намѣренія нѣтъ заноситься или подражать дѣйствіямъ дяди; но на долго ли устоитъ онъ, вотъ въ чемъ вопросъ. И потому оставаться намъ спокойными, положительными и готовыми на все. Такъ я и намѣренъ. Признать его императоромъ Французовъ нѣтъ препятствія, но безъ №*); а подпишусь прямо Николаемъ, не называя братомъ. Съ Австріей и Пруссіей мы совершенно за одно въ этомъ дѣлѣ; съ Англійей только отчасти, но и этого уже довольно“.

. . . „Донесенія его (князя Горчакова) очень любопытны, но отнюдь не утѣшительны насчетъ твердости правительства. Ежели сами военные описываютъ гласно свою слабость, то мудрено ли, что это убѣжденіе проникло въ министерство и заставляетъ тщательно избѣгать всего,

*) Т. е. не считать сына Наполеона I-го Наполеономъ II-мъ. П. Б.

что хотя малѣйше возбудить можетъ опасенія со стороны Франціи. Потому наше положеніе должно быть разсчитано сильнымъ безъ Англіи: хочеть ли, можетъ ли быть съ нами, тѣмъ лучше; но ежели нѣтъ, то и безъ нея умѣть должно намъ обойтись, и обойдемся“.

„Къ сожалѣнію, Пруссія, а за нею и Австрія не сдержали своего обѣщанія дѣйствовать заодно съ Россією по отношенію къ Франціи. Онѣ признали Louis-Napoléon братомъ, чѣмъ вновь доказали, какъ мало можно полагаться на нихъ, а ровно и надѣяться на ихъ увѣренія. Просто тошно!“

„Турки съ ума сходятъ и вынуждаютъ меня къ посылкѣ чрезвычайнаго посольства, для требованія удовлетворенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждаютъ и къ нѣкоторымъ предварительнымъ мѣрамъ осторожности. Потому я теперь уже собираю резервные и запасные батальоны и батареи 5-го корпуса. Ежели дѣло приметъ серьезный оборотъ, тогда не только приведу 5-й корпусъ въ военное положеніе, но и 4-й, которому, вмѣстѣ съ 15 дивизіей, придется идти въ княжества, для скорѣйшаго занятія, покуда 13-я и 14-я дивизіи сядутъ на флотъ для прямого дѣйствія на Босфоръ и Царьградъ. Тогда 3-й корпусъ двинемъ на мѣсто 4-го, а передвиженіе 1-го и 2-го остановимъ. Но дай Богъ, чтобъ обошлось безъ этого, рѣшусь на то только въ крайности. Зачать войну не долго, но кончить, и какъ кончить... Одинъ Богъ знаетъ какъ“.

Послѣ разрыва съ Турціей, въ Маѣ 1853 года, Государь пишетъ:

„Итакъ, вотъ плоды образа дѣйствій, на который я такъ неохотно согласился, бывъ впередъ увѣренъ, что ни къ чему не приведетъ, а только прибавитъ важности неуспѣху, по торжественности, данной посылкѣ Меншикова. Ежели-бъ, какъ я хотѣлъ, поступили мы, какъ Австріицы, страшая, то вѣроятно имѣли бы тотъ же успѣхъ, какъ они. Послѣдствіемъ—война. Однако, прежде чѣмъ приступить къ дѣйствіямъ, занявъ княжества, дабы явнѣе доказать, сколько я до крайности желаю избѣгать войны, рѣшаюсь послать требованіе послѣднее Туркамъ удовлетворить меня въ 8-ми дневный срокъ; ежели нѣтъ, то объявляю войну“.

„Сходно условленному съ тобой образу дѣйствій, хочу прежде ограничиться занятіемъ княжествъ и безъ боя; ежели Турки къ намъ не выйдутъ на лѣвый берегъ Дуная, такъ буду ждать, что занятіе это произведетъ. Ежели они поддадутся, требовать буду, сверхъ того, уплаты издержекъ по вооруженію и до того не покину княжествъ. Но буде Турки будутъ упорствовать, велю блокировать Босфоръ и брать Турецкія суда въ Черномъ морѣ; предлагаю и Австріи, съ своей сто-

роны, занять Герцеговину и Сербію. Ежели и это не подѣйствуетъ, полагаю объявить независимость княжествъ, Сербіи и Герцеговины. Тогда врядъ ли Турецкая имперія устоитъ: вѣроятно, будутъ вездѣ бунты христіанъ, и настанетъ послѣдній часъ Оттоманской имперіи. Переходить Дунай не намѣренъ, развѣ имперія рушится, да и тогда скорѣе пошлю флотъ, для чего и держу его въ готовѣ, а 13-я и 14-я дивизіи остаются въ сборѣ въ Севастополѣ и Одессѣ“.

„Покуда хочу полагать, что Канингъ*) дѣйствовалъ по-своему, не согласно данной ему инструкціи отъ правительства, что скоро и объяснится. Если же и правительство одобритъ его дѣйствія, то это было-бъ величайшее вѣроломство. Но и это меня не остановитъ: буду идти своимъ путемъ, по долгу моего убѣжденія, какъ надо достоинству Россіи“.

21 Іюня 1853 г. войска наши вступили въ Придунайскія княжества.

„Планъ, нами принятый, буду твердо соблюдать, не глядя на злобу Англіи и Франціи; иду своимъ умомъ, съ твердымъ упованіемъ на милость Божію, а на другихъ не смотрю и не слушаю... Слухи весьма различны: нѣкоторые утверждаютъ, что Турки не хотятъ войны, за то другіе вѣсти указываютъ, что фанатизмъ возбужденъ. На-дняхъ все должно рѣшиться; что угодно будетъ Богу, то съ покорностію приму“.

13 Іюня собралась въ Вѣнѣ конференція четырехъ державъ, и ея заявленіе было принято Николаемъ Павловичемъ, къ общему удивленію, дружелюбно.

„Слава Богу, кажется, Турецкая задорливость пошла на мировую, и Англійское правительство, намѣревавшееся столь безсовѣстно съ нами поступить, прислало проэктъ конвенціи, гораздо выгоднѣе того, что мы сами хотѣли! Какъ тебѣ нравится?“

„Любопытно, что Англія и Франція должны были пристать къ Австріи, чтобы требовать согласія Турціи именно на то, что всячески старались сдѣлать предметомъ распри... Вопросъ лишь въ томъ, согласятся ли теперь Турки и готовъ ли будетъ Стратфордъ Канингъ самъ себѣ противорѣчить.. Сомнѣваюсь! Но тогда какая же будетъ дальнѣйшая роль Франціи и Англіи? Въ Царьградѣ сначала хорохорились; но партія, желающая мира, повидимому, взяла верхъ“.

„Анрепъ (графъ, начальникъ авангарда южной арміи) необыкновенно скоро и удачно занялъ Бухарестъ, идя по 50 и 60 верстѣ, и потерялъ изъ 5,800 человекъ только одного умершаго и не болѣе 60 больныхъ!“

*) Англійскій посолъ въ Царьградѣ.

„Достигнувъ Дуная, мы будемъ ждять, что предпримуть Турки; имъ оставаться въ этомъ положеніи мудрено, ибо оно имъ разорительно; ничтожность правительства дѣлается все яснѣе, даже для самихъ Турокъ, и надо опасаться революціи. Словомъ, ежели войны и не будетъ, предвижу я скорое паденіе Турціи“.

22 Октября. „Война рѣшена. Какъ и когда она кончится, знаетъ одинъ Богъ милосердный. Будемъ ли имѣть дѣло съ однимъ Турками или встрѣтимся съ Англичанами и Французами? Какъ бы ни было, пойдемъ своимъ путемъ, готовые на все, и не отступимъ“.

„Ежели до весны Турки не образумятся, тогда время будетъ перейти Дунай и приступить къ объявленію независимости княжествъ, Сербіи и Болгаріи. Для сего нужно будетъ двинуть и 3-й корпусъ, а взамѣнъ его подведу и подчиню тебѣ 6-й корпусъ, резервы котораго уже собираю. Быть можетъ, надо будетъ и всѣ войска привести тогда въ военное положеніе, чтобы быть готову на все. Все это больно и тяжело до крайности. Но дѣлать нечего, не уронимъ же чести нашей“.

28 Окт. „До сегодня извѣстія о наступленіи Турокъ и о мнимомъ перемиріи не подтвердились; да и сего быть не могло, ибо ни о какихъ переговорахъ и рѣчи быть не можетъ, покуда Турки на лѣвомъ берегу Дуная. Горчаковъ желаетъ ихъ выманить подалѣе и тогда атаковать. У Воронцова все хорошо, хотя Турки очень сильны и стоятъ на самой границѣ. Онъ надѣется и отстояться и даже перейти въ наступленіе. Прочее—что Богъ дастъ“.

„Въ случаѣ хотя бы временной потери Бухареста, дерзость Англіи и Франціи станетъ еще нестерпимѣе, а Турція будетъ до-нельзя ободрена успѣхомъ. Поэтому Горчакову слѣдовало бы вести дѣло какъ можно осторожнѣе: быть всегда готовымъ, не дробить войскъ и не мучить ихъ напрасными тревогами. Хотя это и не легко, но все должно было пойти иначе съ прибытіемъ 3-го корпуса“.

7 Ноября. „Австріи трудно: много заботъ по Италіи и Венгріи; этимъ извинить только можно ея нейтралитетъ; Пруссія все дрожитъ Франціи и Англіи. Вотъ наши союзники, и то хорошо, что по крайней мѣрѣ не пристають къ врагамъ“.

„Зима должна быть претерпѣна, доколь готовы не будемъ къ дальнѣйшему. Но это не мѣшаетъ другому: готовясь къ дѣйствию въ Малой Валахіи и на Виддинѣ, отвлечь вниманіе непріятеля на устьѣ Дуная сборами къ переправѣ. Съ сей цѣлью я уже велѣлъ спросить Лидерса, имѣетъ ли подробныя свѣдѣнія о состояніи укрѣпленій Исакчи, Тульчи, Мачина,

Гирсова. Ежели крѣпости не возстановлены, то переходъ эскадры нашей и подъ огнемъ Исакчи показаль, что переправа у Сатунова—дѣло не невозможное и съ котораго, согласно съ тобой, полагааль бы начать въ Февралѣ. Быть можетъ, подобная же демонстрація полезна была бы и у Гирсова. Тогда у Сатунова переправа могла быть предпринята 15-ю и 7-ю дивизіями съ бригадою 14-ю, а у Гирсова—8-ю или 9-ю дивизіей, что вѣроятно, не затруднитъ Горчакова, ибо онъ все еще имѣть будетъ четыре дивизіи для охраненія Бухареста и даже Малой Валахіи“.

„Приступать къ осадѣ Силистріи, полагаю, было бы опасно, не разбивъ прежде главную армію Турокъ; подвигать пловучій магазинъ, не взявъ Силистріи, совершенно невозможно; да и кромѣ Силистріи, всѣ другія крѣпости на Дунаѣ сему препятствуютъ. Полагать, чтобы въ одно лѣто, не говоря о прочихъ затрудненіяхъ, можно было-бъ осадить болѣе одной, много двухъ крѣпостей, рѣшительно несбыточно. Потому для движенія Лидерса пловучій магазинъ будетъ очень полезенъ, для главныхъ же силъ—совершенно невозможенъ до овладѣнія всѣми крѣпостями. Итакъ на это отнюдь полагаться не можно. Теперь жду только донесеній Лидерса, чтобы, сходно начертанному плану, разрѣшить Горчакову приготовить вышеупомянутое“.

„Даже въ случаѣ невозможности переправы, чего никакъ не полагаю, одинъ видъ къ оной и приготовленія значительно озаботятъ Турокъ насчетъ прямого нашего намѣренія. Важно намъ знать покуда, въ какой степени можно рассчитывать на содѣйствіе Задунайскихъ христіанъ; признаюсь не велика моя надежда на нихъ, развѣ на Сербовъ, и до этого удостовѣренія не очень расположенъ идти далеко за Дунай. Надо терпѣніемъ какъ бы замучить, изнать Турокъ. Какъ-то проведутъ зиму въ сборѣ, какъ прокормятся! Не знаю только, удобна ли будетъ переправа у Гирсова. Рекогносцировка къ Мачину доказала всю трудность флотиліи нашей подниматься по Дунаю, а безъ нея переправа врядъ ли возможна. Посмотримъ, что отвѣчать будетъ Горчаковъ“.

„Воронцовъ очень слабъ и проситъ увольненія. Возложь надежду на Божію помощь, я ни въ чемъ не измѣню своей рѣшимости настоять въ прежнемъ, хотя этимъ положеніе наше за Кавказомъ, а въ особенности по береговой линіи, весьма затруднится“.

„Злость Англичанъ выше всякой мѣры, равно какъ ихъ дерзость и безстыдство. Здѣсь (въ Петербургѣ) на нихъ ужасно озлоблены, но мѣряться съ ними на морѣ было бы неблагоразумно, по превосходству силъ ихъ, хотя моряки наши только того и желаютъ“.

„Съ большимъ вниманіемъ прочелъ я твое письмо къ Горчакову и радъ былъ удостовѣриться въ томъ, что мы почти одинаково думаемъ о предстоящей кампаніи. Въ одномъ только я не рѣшаюсь. Конечно, Силистрія важный пунктъ; въ особенности былъ бы онъ необходимъ въ рукахъ нашихъ, ежели бы, по примѣру 1828 и 1829 годовъ, направленіе наше было на Шумлу, Варну или на Балканы; но кажется мнѣ, что рѣшась, какъ ты самъ предлагалъ, стараться болѣе дѣйствовать черезъ христіанъ, нашихъ единовѣрцевъ, а намъ быть въ резервѣ, не правильнѣе ли овладѣть Рущукомъ и тамъ или близко къ оному имѣть прямую переправу въ самый центръ Валахіи, тѣмъ болѣе, что мы этимъ будемъ среди Болгаръ и близъ Сербовъ, ежели на нихъ считать хотимъ? Далѣе же Рущука идти впередъ можемъ мы, кажется, тогда только, ежели возстаніе христіанъ будетъ общее, что должно оказаться скоро послѣ взятія Рущука; овладѣніе Силистріей, полагаю, не произвело бы еще такого на нихъ дѣйствія, ибо далеко отъ нихъ“.

„Желалъ бы очень, чтобы Горчаковъ нашелъ возможнымъ сдѣлать переправу на нижнемъ Дунаѣ, какъ ты предлагаешь, но не увѣренъ. Оно было бы весьма для насъ выгодно“.

„Сейчасъ прибылъ Мирбахъ (флигель-адъютантъ), съ радостнымъ твоимъ донесеніемъ изъ Мачина. Слава Богу за Его щедрую милость; слава тебѣ за отлично обдуманная и столь славно исполненныя соображенія; слава сподвижникамъ твоимъ и неогцѣненнымъ храбрымъ войскамъ за отличный, безпримѣрный подвигъ. Надѣюсь, что сей первый шагъ будетъ началомъ столь же славныхъ въ теченіе похода 1854 г. Отголосокъ его раздастся вдаль друзьямъ нашимъ, но и разозлитъ еще болѣе враговъ нашихъ. Кажется, что они еще не такъ-то скоро готовы будутъ, и ранѣе мѣсяца не ожидаю ихъ появленія ни у Одессы, ни въ Крыму, ни въ Поти. Этотъ мѣсяцъ надо употребить въ пользу. Но какъ? Мысли сообщу князю Варшавскому, и ежели онъ не будетъ противенъ, то передастъ тебѣ къ исполненію*). Все еще зависитъ отъ расположенія Австріи. Ежели пойдетъ къ лучшему, то наше дѣло будетъ не въ примѣръ легче и проще. Покуда надо готовить продовольствіе и фуражъ, подвести осадную артиллерію, погрузить ее на суда и стараться поднять нашу флотилію выше по Дунаю, въ особенности, ежели Турки бросятъ Гирсово“.

„Кажется мнѣ, что Силистрія должна быть предметомъ всѣхъ нашихъ усилій, лишь только успокоены будемъ насчетъ Австріи. Чѣмъ скорѣе приступимъ къ осадѣ, чрезъ что удастся предупредить походъ къ крѣпости союзниковъ, тѣмъ вѣрнѣе считать можемъ на успѣхъ.“

*) Государь различаетъ въ князѣ Паскевичѣ лицо частное съ начальникомъ царства Польскаго. П. Б.

Ежели сомнительное положеніе Австріи не дозволить намъ воспользоваться теперешнимъ впечатлѣніемъ на Турокъ смѣлою нашею переправой и потому лишитъ насъ выгодной минуты приступить къ Силистріи, тогда останется выжидать, что сами Турки и какъ осуществляются намѣренія, приписываемыя Англичанамъ и Французамъ. Но думаю, что съ этимъ и выгодное время года будетъ утеряно въ ущербъ здоровью войскъ; впрочемъ, осторожность можетъ насъ поневолѣ къ сему принудить. Итакъ, все зависѣть будетъ отъ того, что ожидать можно отъ Австріи, а это ты скорѣе нашего узнаешь. Послѣднія извѣстія изъ Вѣны подають нѣкоторую надежду на болѣе благоразумный образъ дѣйствій и на полный нейтралитетъ по примѣру Пруссіи; но увѣренности въ томъ еще не имѣю, а потому неизвѣстность эта крайне меня связываетъ въ разрѣшеніи дальнѣйшихъ дѣйствій. Это же положеніе Австріи лишаетъ меня всякой надежды на содѣйствіе Сербовъ; развѣ успѣхи Греческаго возстанія воспламенятъ и Славянъ до того, что они пренебрегутъ угрозами Австріи и поднимутся безъ насъ. Все это быть можетъ, но нельзя на это рассчитывать и еще менѣе на этомъ основывать наши дѣйствія“.

„Въ знакъ моей особой благодарности за твою вѣрную и отличную службу и того искренняго уваженія и дружбы, которыя къ тебѣ питаю, желаю, чтобы изображеніе того, которому ты оказываешь столько услугъ, было съ тобою неразлучно, какъ знакъ его признательности“.

„Переправа и овладѣніе Тульчей и Мачинымъ—шагъ важный, ежели сумѣемъ или удастся воспользоваться его впечатлѣніемъ. Все зависитъ, несомнѣнно, отъ расположенія Австрійцевъ; кажется, есть надежда, что они насъ не атакуютъ. Ежели будемъ въ томъ увѣрены, то не надо терять время, а немедленно готовиться приступить къ осадѣ Силистріи, главной цѣли всей кампаніи 1854 г. Она особенно важна уже и тѣмъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, оттянетъ часть силъ союзниковъ, вмѣсто атаки нашихъ береговъ, къ Варнѣ и вспоможенію Силистріи. Прошу, отецъ-командиръ, вникнуть въ эту мысль и дать твои приказанія Горчакову въ этомъ смыслѣ, ежели ты не противенъ сему. Упусти мы воспользоваться теперешнимъ успѣхомъ и его впечатлѣніемъ на Турокъ, подобнаго удобства не встрѣтимъ впередъ надолго, и сомнѣнія нѣтъ, что союзники симъ воспользуются, чтобы начать свои покушенія, къ которымъ покуда они, какъ кажется, еще не готовы“...

„Мысли Горчакова столь согласны съ тѣмъ, что я самъ тебѣ писалъ касательно моего желанія, чтобы мы извлекли возможную пользу отъ удачнаго перехода черезъ Дунай, что не могу не желать, чтобы

ты согласился на его предложенія, которыя, кажется, соединяють всѣ условія осторожности, съ извлеченіемъ возможной пользы изъ теперешнихъ нашихъ успѣховъ. Онъ дѣйствовалъ и видитъ дѣло, по моему, славно и достоинъ всякой похвалы... Какъ бы хорошо подступитъ покуда къ Силистріи!.. Быть можетъ, Омеръ-паша выйдетъ къ намъ изъ Шумлы или Руцука, и его разбить до прихода союзниковъ! Во всякомъ случаѣ, полагаю, что нашъ переходъ чрезъ Дунай измѣнитъ нѣсколько ихъ затѣи десантовъ къ намъ, а мы до того успѣемъ быть вездѣ готовыми къ отпору. Не такъ ли?«

„Слава Богу, кажется, что близкой опасности отъ Австріи покуда не предвидится. Этимъ временемъ намъ надо, елико можно, воспользоваться, чтобы пріобрѣсти возможныя выгоды. Мнѣ бы хотѣлось приступить къ Силистріи, устройвъ или переведа одну изъ переправъ къ Каларашу, въ особенности, если-бъ Турки продолжали отступать, и Лидерсъ, слѣдя за ними, могъ пройти Черноводы, прикрывшись справа у Бухареста тремя дивизіями, какъ отъ Малой Валахії, такъ и отъ Руцука; одна дивизія, на примѣръ 8-я, могла быть послана къ Каларашу. Но если Турки изъ-подъ Калафата пойдутъ впередъ за Липранди, то выждать, чтобъ отошли марша на три или четыре отъ Дуная, и въ такомъ случаѣ, ничего не отдѣляя, совокупными силами, т. е. 4 дивизіями пѣхоты и 2-ми кавалеріи, двинуться прямо на нихъ, съ Божіею помощію разбить и сильно преслѣдовать кавалеріей. Тогда еще удобнѣе будетъ отдѣлать не только одну, но, быть можетъ, и двѣ дивизіи къ Каларашу, и тамъ, переправясь и соединившись съ Лидерсомъ, обложить Силистрію. Если Омеръ-паша, съ главными силами, вышеть бы на встрѣчу, его надо бы тогда же атаковать и стараться разбить до прихода союзныхъ силъ, которыя врядъ ли изъ Варны могутъ быть ранѣе 15 (27) Апрѣля, и то, думаю, не въ полномъ числѣ, ежели вычестъ гарнизоны въ Босфоръ и Дарданеллахъ, а быть можетъ и въ Варнѣ. Тоже не ранѣе сего ожидать можно и десантовъ, которыми стращаютъ... Прости, любезный отецъ-командиръ, что такъ смѣло выражаю мои мысли и желанія. Если ты другого мнѣнія, уступаю, но душевно желаю, чтобы мы извлекли всю возможную пользу изъ столь неожиданно-благополучнаго начала“.

....„Весьма желаю, чтобъ при свиданіи твоёмъ съ Горчаковымъ оказалось возможнымъ, по твоему убѣжденію, воспользоваться пріобрѣтенными успѣхами, чтобъ приступить къ Силистріи. По свѣдѣніямъ изъ Вѣны, подтверждающимъ тѣ, которыя и Горчаковъ доставилъ мнѣ отъ посланнаго агента, въ Трансильваніи нѣтъ никакихъ особыхъ при-

готовлений, указывающихъ на опасность оттуда нашему правому флангу и тылу. Да притомъ скоро мы будемъ въ состояніи остановить всякое покушеніе, ибо всѣ войска дошли или доходятъ. Время же дорого до прибытія союзниковъ. Стою твердо на устьяхъ Дуная, занимаю оба берега; кажется, не вѣроподобно, чтобы тутъ угрожала намъ опасность. Скорѣе ожидаю, что первая высадка будетъ у Варны, чтобы помочь Силистріи и подкрѣпить Омера-пашу. Не знаю, отведенъ ли Липранди отъ Калафата и пошли ли за нимъ Турки; оно, кажется, было бы хорошо, потому что, вѣроятно, представился бы тогда случай ихъ разбить на лѣвомъ берегу и дорого заплатить за дерзость. Произошло ли это или нѣтъ, все-таки, оставя для прикрытія Бухареста 2½ дивизіи, кажется, можно бы было другія 1½ дивизіи, т. е., примѣрно, одну 3-го корпуса и бригаду 4-го, двинуть къ Каларашу, ежели можно устроить тамъ переправу, соединиться съ Лидерсомъ, приступить къ обложенію Силистріи и выжидать приближенія Омера-паши и даже союзниковъ (т. е., вѣроятно, однихъ Французовъ) встрѣтить и съ Божіей помощью разбить, а потомъ начать осаду. Теперь 4-й корпусъ долженъ быть вполне надежно укомплектованъ, такъ что въ 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й и 15-й дивизіяхъ, съ 3-ю и 5-ю легкими, надо считать не менѣе 96,000, а потому у Силистріи быть можетъ вмѣстѣ до 60,000. Смѣю думать, что для сей цѣли этого должно быть достаточно. Вотъ искреннее изложеніе моего взгляда; можетъ быть, и ошибаюсь; рѣшишь же ты, и вѣрно къ лучшему“.

Въ это время Французы и Англичане уже объявили намъ войну.

„Изъ Берлина пишутъ, что король твердъ покуда. Здѣсь (въ Петербургѣ) все идетъ очень хорошо; прибывающія войска въ самомъ превосходномъ состояніи. Батареи строятся успѣшно, тоже и въ Кронштадтѣ. Но погода ужасная, вода высока, вьюга и морозъ. Жаль, ежели не потреплетъ Англичанъ. Въ Лондонѣ министерство отвергло новыя предложенія Прусскаго короля къ переговорамъ; того же надо ожидать отъ Франціи. Ярость противъ насъ все сильнѣе. Подтверждаютъ, что первое нападеніе будетъ на Аландъ; хотятъ занять и Эзель, а потомъ, одолѣвъ Кронштадтъ, не дѣлать высадки, но издали бомбардировать и жечь Петербургъ“.

„Да благословитъ Господь Богъ твой походъ и да дастъ тебѣ новыи вѣнецъ славы въ продолженіе Персидскаго, Турецкаго, Польскаго и Венгерскаго походовъ! Да хранить и укрѣпитъ тебя Господь! Обними Горчакова и поклонись всѣмъ нашимъ. Напиши мнѣ, доволенъ ли состояніемъ войскъ; поклонись имъ отъ меня и поблагодари за славную службу“.

„Вчера (23 Апрѣля) возвратился изъ Берлина племянникъ мой, принцъ Мекленбургскій съ утѣшительнымъ извѣстіемъ, что никогда король на насъ не обратится и положительно знаетъ, что никогда Австрія не атакуеть нашихъ границъ. Вернулся изъ Вѣны и ген.-адъютантъ Грюнвальдъ. Привезенныя имъ свѣдѣнія подтверждаютъ, что насъ атаковать не намѣрены и рады будутъ, если мы возьмемъ Силистрію и даже Руцукъ; императоръ же заявилъ, что „ежели-бъ Турки хотѣли занять Малую Валахію, то онъ ихъ къ тому не допустить, а займетъ самъ“. Всѣ военные въ одинъ голосъ противъ войны съ нами и не только были ласковы, но даже явно отличали Грюнвальда, и во главѣ ихъ Радецкій и Виндишгрець, а Шликъ сказалъ, что если будетъ война, то откажется служить. Куда какъ все это хорошо! Надо это драгоцѣнное время употребить въ пользу... Буду нетерпѣливо ожидать дальнѣйшихъ донесеній: время самое рѣшительное“.

„Распоряженіе твое подчинить войска, обезпечивающія оконечность праваго фланга, начальству Шабельскаго, нахожу весьма дѣльнымъ... Не могу повѣрить, чтобы Австрія дерзнула насъ тамъ атаковать, ибо навѣрное будутъ притиснуты, въ такомъ случаѣ, къ горнымъ дефиле, намъ вполне извѣстнымъ и непремѣнно, съ помощью Божіею, будутъ разбиты... Думаю, что они не отважатся даже выйти изъ Трансильваніи въ Валахію, по той же причинѣ, ибо въ случаѣ неудачи рискуютъ быть притиснутыми къ горнымъ дефиле (изъ коихъ удобно проходимыхъ всего два) и легко могутъ пропасть. Но и это все ранѣе 6 недѣль или 2-хъ мѣсяцевъ быть не можетъ... Опасенія десантовъ въ нашихъ предѣлахъ по Черному морю дѣлаются нынѣ менѣе вѣроятными; ибо извѣстно, съ какими неимовѣрными усиліями и трудами исполняются всѣ перевозки войскъ, и то почти безъ лошадей... Кромѣ того, мы вездѣ готовы ихъ принять хорошо“.

„Радуюсь очень, что ты велѣлъ приступить къ осадѣ Силистріи. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ продолжаю полагать, что лучшаго сдѣлать нельзя; пойдетъ ли осада спокойно—хорошо; выйдутъ ли Турки съ союзниками на выручку крѣпости—тѣмъ лучше: будетъ тогда случай разбить „ихъ...“ Ты мнѣ писалъ, что Шильдеръ обѣщаетъ черезъ двѣ недѣли взять Силистрію; я доволенъ буду, ежели и черезъ четыре недѣли, и то хорошо“... „Хотѣлъ бы тебя немного пожурить, что чрезчуръ отважно посѣтилъ траншейныя работы, и благодари Бога, что счастливо обошлось; но молю тебя, будь осторожниѣе и не забывай что на тебѣ лежитъ“... „Слава Богу, что осада Силистріи успѣшно идетъ безъ значительной потери въ людяхъ. Желая только, чтобы Шильдеръ не увлекся своимъ воображеніемъ и тѣмъ не пренебрегъ

извѣстныхъ опытомъ правилъ. Кажется, что принятый доселѣ планъ атаки долженъ имѣть послѣдствіемъ*), что Турки будутъ принуждены бросить свои отдѣльные два форта. Но отъ нихъ до главной крѣпости еще далеко, а потому опасаюсь, что предположенныхъ четырехъ недѣль будетъ мало для овладѣнія крѣпостью“...

Турки оставили Туртукай, и Государь по этому поводу пишетъ: „Не дастъ ли это возможности обложить Силистрію и съ верховья Дунайя?“ „Этимъ только, думаю я, довершится обложеніе и прекратится сообщеніе съ Шумлой и Рущукомъ. Видно, что планъ Турокъ все стянуть къ Шумлѣ, вѣроятно, въ намѣреніи соединиться съ Французами и, быть можетъ, перейти тогда въ наступленіе. Но движеніе Французовъ, какъ кажется, будетъ очень медленно, ибо первыя лошади для кавалеріи и артиллеріи едва прибыли въ Галлиполи“... „Вчера (т. е. 25-го Мая) вечеромъ, узналъ я по телеграфу изъ Вѣны о бывшей вылазкѣ 17-го (29) числа, объ отбитіи ея и о бесплодной храбрости при преслѣдованіи, имѣвшей послѣдствіемъ отраженіе отъ форта; но депеша кончается тѣмъ, что будто въ ночь на 20-е Мая фортъ былъ, однако, нами взятъ. Сегодня же утромъ прибылъ твой фельдъегеръ съ письмомъ отъ 19 (31) Мая, которое подтверждаетъ первую часть извѣстія, но не упоминаетъ о второй. Душевно скорблю о напрасной тратѣ драгоцѣннаго войска и о потерѣ столькихъ храбрыхъ, во главѣ которыхъ ставлю почтеннаго Сельвана, дорого заплатившаго за свою излишнюю отвагу; но миръ праху его: онъ умеръ геройскою смертью! Повидимому, оба Турецкіе форта долго еще держаться не могутъ противъ весьма искусно поведенной атаки. Тогда предстоять будетъ осада самой крѣпости, на что я считаю не менѣе, какъ еще три недѣли. Большое удобство произошло бы для осады, если бы ты нашелъ возможнымъ совершенно обложить крѣпость и тѣмъ прекратить всякое сообщеніе ея съ Шумлою... Признаюсь, очень бы желалъ, чтобы Омеръ-паша отважился приблизиться и тѣмъ далъ бы способъ тебѣ его разбить. На скорое же прибытіе союзныхъ войскъ рѣшительно нѣтъ опасенія, за совершеннымъ у нихъ недостаткомъ лошадей и перевозочныхъ способовъ. Развѣ перевезутъ отрядъ тысячъ въ 10 въ Варну, но и то безъ лошадей и сильной артиллеріи. По всему этому я въ полной надеждѣ, что съ помощію Божіей овладѣніе Силистріей не подлежитъ сомнѣнію“.

„Отношенія къ намъ Пруссіи продолжаютъ быть очень дружными и, какъ кажется, имѣютъ уже вліяніе на рѣшенія Австріи. До сей поры не получали мы никакихъ требованій отъ Австріи, которыми

*) Такимъ увлеченіямъ подвергался и сынъ его, достопочтеннѣйшій Николай Карловичъ, въ его исторіографическихъ трудахъ. П. Б.

столь долго насъ стращаютъ, и вѣроятно она не иначе на это рѣшится, какъ тогда только, когда, по настоянію Пруссіи, будутъ и союзнымъ державамъ сдѣланы равномѣрно предложенія уступокъ; посмотримъ, въ чемъ онѣ состоятъ будутъ“... „Мейендорфъ увѣдомляетъ, что сборы Австрійцевъ на нашей границѣ, въ Вѣнѣ и въ Италіи дѣлаются, чтобъ en imposer à la France et à la Savoie *). Дѣлай они дома что хотятъ, но не смѣй насъ трогать, и не думаю, чтобы рѣшились“... „Самое любопытное свѣдѣніе вчера (17-го Мая) получилъ Орловъ изъ Галиціи. Оно нѣсколько объясняетъ поспѣшность внезапнаго усиленія тамъ войска. Говорятъ, что въ Галиціи открытъ заговоръ униатскаго духовенства, которое, будто, готовилось объявить однимъ разомъ свое отпаденіе отъ Римскаго владычества и возвращеніе въ Православіе; вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ арестованы, и опасеніе общаго движенія въ народѣ, будто, заставило усилить войско. До сихъ поръ ничего подобнаго даже стороной до меня не доходило; но очень быть можетъ, что справедливое... Вчера (22-го Мая) получены новыя извѣстія изъ Вѣны и прямо, и черезъ Берлинъ. Они подтверждаютъ, что мнѣніе Пруссіи, поддержанное королевствами, начало превозмогать въ Вѣнѣ. Императоръ даже послалъ довѣренное лицо къ эрцгерцогу Альбрехту, чтобы укротить его слишкомъ горячее желаніе разрыва съ нами, а предложенія, которыя хотятъ намъ сдѣлать, основаны на взаимныхъ предложеніяхъ и морскимъ державамъ“.

„Это—другое дѣло... Главная выгода, во-первыхъ, выигрышь времени, а во-вторыхъ—доказательство, что Пруссія отдѣляется отъ Австріи, и быть можетъ и обѣ отдѣлится отъ морскихъ державъ. Ежели такъ, то успѣемъ взять Силистрію, а потомъ посмотримъ, что дѣлать“... „Покуда изъ Австріи ничего не получилъ, и, кажется, если и будетъ что, то не такое предложеніе, которое сейчасъ же повлекло бы за собой немедленный разрывъ. Германскія королевства всѣ присоединились къ мнѣнію Пруссіи и не хотятъ разрыва съ нами. Вѣроятно это подѣйствуетъ и на образъ дѣйствій Австріи“... „Ежели усилія Прусскаго короля будутъ имѣть успѣхъ, тогда ожидать будемъ, какія взаимныя условія намъ предлагать... Итакъ настало время готовиться бороться не съ Турками и ихъ союзниками, но обратить всѣ наши усилія противъ вѣроломной Австріи и горько наказать за безстыдную неблагодарность“...

„Отъ Сакена узналъ сегодня (11 Мая), что ты у него берешь уланскую бригаду 6-й дивизіи, съ ея конною батареей; оставляешь

*) Т. е. Чтобы подѣйствовать внушительно на Францію и Савойю.

же ему резервную уланскую дивизию... Жалѣю, что ты сдѣлалъ это: у тебя и то кавалеріи очень много, а симъ отнимается кавалерія отъ своего корпуса, и дивизія дробится; проще было бы велѣть резервной уланской дивизіи воротиться къ своему корпусу. Объясни мнѣ также, зачѣмъ ты кирасирскій корпусъ привелъ въ Ушицу. Я полагалъ, что корпусъ этотъ гораздо нужнѣе вправо, на усиленіе Ридигера, ежели-бъ точно Австрійцы что затѣяли противъ Польши, ибо у Ридигера только двѣ дивизіи кавалеріи, у тебя же пять дивизій и безъ кирасирь... Всѣ твои распоряженія насчетъ новаго распределенія войскъ теперь только (18 Мая) узналъ и понял. Куда намѣренъ ты двинуть изъ Леово бригаду 16-й дивизіи? Я думалъ, что ты ее двинешь въ Измаилъ, чтобъ смѣнить тамъ 7-ю дивизию“.

„Наши резервы, извѣщаетъ Государь, успѣшно поспѣваютъ, и къ Августу будемъ имѣть въ Петербургскомъ районѣ до 102 баталіоновъ. По Днѣпру, отъ Чернигова до Екатеринослава, приступятъ къ формированію запасныхъ дивизій 3-го, 4-го и 5-го корпусовъ, то есть 72 баталіоновъ, а изъ Москвы будетъ въ слѣдованіи 24 баталіона резервной дивизіи 6-го корпуса, туда, куда обстоятельства укажутъ. Въ виду этого и желательно, по возможности, избѣгать разстраивать формировку резервныхъ бригадъ, безъ особой въ томъ нужды... Крайне жалѣю прибыли больныхъ; увѣренъ, что ты принимаешь всѣ мѣры, чтобы войско беречь сколько возможно... Ежели бы противъ чаянія Австрійцы насъ атаковали, въ такомъ только случаѣ я разрѣшаю тебя на предполагаемый тобою планъ дѣйствій и нахожу его совершенно сообразнымъ съ нашимъ положеніемъ. Сегодня (26 Мая) смотрѣлъ 6 новыхъ и точно отличныхъ гвардейскихъ пѣшихъ батарей; не нарадуешься, на нихъ глядя... Какъ мнѣ прискорбно слышать, что опять у тебя лихорадка; ради Бога, берегись и не пренебрегай извѣстными тебѣ способами. Надѣюсь на милость Божію, что твое здоровье поправится при первой хорошей удачѣ. Не унывай!.. Вели одному изъ флигель-адъютантовъ объѣхать всѣхъ раненыхъ и раздать имъ отъ меня наградныя деньги. Войскамъ мое душевное спасибо за храбрость и неутомимость въ трудахъ и подвигахъ... Сейчасъ (1 Іюня) получилъ донесеніе, что Австрійцы будутъ готовы не ранѣе 1 (13) Іюля. Этимъ мѣсяцемъ надо воспользоваться дѣятельно, чтобы вывести изъ княжества всѣ лишнія тяжести, какъ-то: лишніе мѣстные парки, склады и главное—тѣхъ раненыхъ и больныхъ, кои перевозку могутъ вынести безъ вреда. Ежели война съ Австрійцами будетъ неизбежна, ты въ совокупности силъ своихъ найдешь возможность случая пріобрѣсти новую неуываемую славу, горько наказавъ вѣроломныхъ и неблаго-

дарныхъ... Гдѣ ты сосредоточилъ силы, у Плоешти или Бузео, не могу отгадать; кажется мнѣ, что Плоешти для этого удобный пунктъ, ибо раздѣляетъ оба пути, по которымъ Австрійцы могутъ вторгнуться въ Валахію, и откроется, быть можетъ, случай ихъ разбить отдѣльно. Остается еще рѣшить: должно ли и можно ли удержать наше мостовое прикрытіе и мостъ у Тульчи. Признаюсь, желалъ бы этого, но рѣшишь ты“...

„Англичане начали подступать къ Финляндіи; было хорошенькое дѣло съ береговымъ отрядомъ нашимъ. Ожидаю атаки на Гангутъ, гдѣ наши слабыя батареи не думаю, чтобы долго устояли, но и потеря не важна. У насъ все тихо, готово и хорошо; однако скоро ожидаю серьезныхъ нападений. Мы готовы... Изъ Севастополя ничего новаго не получалъ и не полагаю, чтобы уже что тамъ началось. Французы заняты въ Галлиполи и утверженіемъ въ Царьградѣ, Англичане—тоже. Теперь и Грецію хотятъ занять. Новая войска будто бы отправляются для занятія Варны; но все это не можетъ собраться ранѣе Іюля и опять—съ весьма малымъ числомъ артиллеріи, а еще менѣе кавалеріи и обозовъ... Англичане стали производить свои разбойничьи дѣйствія: жгутъ верфи и корабли на побережьяхъ Финляндіи. Сегодня (1 Іюня) получены любопытныя свѣдѣнія о положеніи союзныхъ войскъ: онѣ почти безъ артиллеріи и кавалеріи, а тѣмъ менѣе снабжены обозомъ, и потому врядъ ли появятся на Дунаѣ. Кстати весьма важно мнѣ знать, есть ли въ княжествахъ желаніе независимости отъ Турокъ и образованія отдѣльнаго самостоятельнаго государства, подъ избраннымъ изъ среды ихъ государемъ. Старайся мнѣ это вывѣдать и напиши“.

29 Мая 1854 г., командуя лично подъ Силистріею, князь Паскевичъ, былъ раненъ въ бедро и долженъ былъ переѣхать въ Яссы.

„Ничего худшаго для меня не могло, среди тяжкихъ обстоятельствъ, случиться, какъ лишиться въ это самое время твоей помощи. Молю Бога, чтобы возстановилъ тебя какъ можно скорѣе и для того умоляю тебя дать возможность лѣченію увѣнчаться успѣхомъ, бывъ самъ спокойнѣе душой и не теряя времени... Но, любезный отецъ-командиръ, сдавъ армію Горчакову, молю тебя, при этихъ обстоятельствахъ, не оставаться въ Яссахъ, а поѣзжай въ наши границы лѣчиться, гдѣ тебѣ удобнѣе, въ Кіевѣ или въ Гомелѣ. Кромѣ опасности быть достигнутымъ непріателемъ, нѣтъ удобства больнымъ оставаться среди военныхъ дѣйствій и тревожиться всѣмъ, что происходитъ. Думаю, что и ты моего мнѣнія. Когда, Богъ дастъ, возстановишься въ силахъ, тогда будешь опять на своемъ мѣстѣ, ежели гроза надъ нами разра-

зится... Ты, вѣрно, снабдишь Горчакова подробными наставленіями, какъ ему слѣдуетъ, по твоему мнѣнію, дѣйствовать въ разныхъ предвидѣнныхъ случаяхъ. Нельзя не жалѣть, что осада Силистріи, вмѣсто обѣщанной скорой сдачи крѣпости, приняла столь невыгодный оборотъ... Ежели дѣйствительно оправдается, что Омеръ-паша такъ силенъ и еще усилится прибытіемъ Французскихъ двухъ дивизій и одной Англійской въ Варну, то нѣтъ вѣроятій, чтобъ осада могла удасться, и тогда положеніе арміи нашей за Дунаемъ будетъ безъ пользы опаснымъ. Но льщу себя надеждой, что, быть можетъ, сомонадѣянность Омеръ-паши и союзниковъ дастъ Горчакову случай ихъ встрѣтить въ полѣ, гдѣ наши многочисленныя артиллерія и кавалерія, кажется, намъ представляютъ весьма большую выгоду, тогда какъ у непріятеля артиллеріи немного, а кавалеріи еще менѣе“.

1) „Итакъ, планъ, предложенный Горчаковымъ и тобою одобренный, вполнѣ отвѣчаетъ описанному положенію дѣлъ: быть готову, а при появленіи Австрійцевъ дѣйствовать на нихъ силою, возможно большею массой. Ежели они дѣйствительно будутъ такъ дерзки на это отважиться, то думаю, что быстрый, какъ стрѣла, натискъ Ридигера на лѣвый ихъ флангъ, то есть на Лембергъ, и скорое возвращеніе опять въ наши предѣлы, въ избранное положеніе, заставятъ опомниться Австрійцевъ гораздо прежде, чѣмъ Пруссаки могутъ быть готовы стать имъ на помощь... Отвѣтъ Австріи велѣлъ готовить въ смыслѣ короля *), то есть учтивый, но неуступчивый и достойный Россіи; этимъ отниму и послѣдній предлогъ, что я не все сдѣлалъ, что отъ меня зависѣло, чтобы удовлетворить желанію короля. Надѣюсь, что при этомъ, съ помощью Божіей, хорошо поколотимъ Австрійцевъ за дерзость“.

„Въ теперешнемъ твоёмъ положеніи ты самъ только себя вредишь, а пользы для дѣлъ не вижу, ибо на коня сѣсть не можешь, да притомъ и сдать команду Горчакову. Надо ему дать полную свободу и отвѣтственность всѣхъ распоряженій. иначе боюсь запутанности и недоразумѣнія, крайне опасныхъ въ столь трудныхъ обстоятельствахъ“.

„Когда Силистрія не взята и мы не могли, по обстоятельствамъ, извлечь никакой пользы отъ переправы черезъ Дунай, я тоже полагаю, что иного не остается дѣлать, какъ то, что ты въ запискѣ своей (отъ 10-го Іюня) начерталъ. Оно будетъ согласно съ осторожностью, не лишая насъ возможности воротиться къ наступленію, когда дерзость Австрійцевъ подастъ къ тому случай“.

„Положеніе наше не легко, но изъ него выйти можно съ честью, когда рѣшительно дѣйствовать будемъ. не преувеличивая себя препят-

*) Т. е. Пруссакаго.

ствія къ успѣху. Точно такъ же видитъ и Ридигеръ, котораго распоряженіями я вполне доволенъ. Ежели же король Прусскій удержится отъ содѣйствія Австрійцамъ, въ чемъ есть, кажется, надежда, то Австрія можетъ дорого поплатиться за ея измѣнническую неблагодарность“...

„Буду стараться усилить Ридигера, освободя 1-ю дивизию, елико можно скорѣй, отъ ея теперешняго назначенія; больше сдѣлать не могу, доколь не объяснится, будутъ ли, нѣтъ ли сюда десанты“.

„Крайне опасуюсь, чтобы духъ въ войскахъ не упалъ, видя, что все усилія, труды и жертвы были тщетны и что мы идемъ назадъ, а зачѣмъ—и выговорить не смѣемъ. Надо, чтобы Горчаковъ и все начальники хорошо растолковали войскамъ, что мы только временно отступаемъ, дабы обезопаситься отъ злыхъ умысловъ нашихъ сосѣдей. Это слишкомъ важно“...

„Благодарю тебя, что рѣшился переѣхать на болѣе здоровое мѣсто, гдѣ среди покоя, поколику о покоѣ рѣчь быть можетъ въ нынѣшнее время, можно надѣяться, что ты гораздо скорѣе оправившись, и ежели Богъ опредѣлитъ быть борьбѣ, которую предвидѣть скоро можно, то съ помощью Божіей будешь снова готовъ, на славу намъ и на страхъ врагамъ“...

„Австрія сбросила всякую личину и заключила союзъ съ Турціей для занятія княжествъ; еще шагъ, и война съ ними... При теперешнемъ расположеніи армій не только безопасно, въ случаѣ нужды, отступить можемъ за Сереть и Прутъ, но даже, быть можетъ, разбить Австрійцевъ, ежели неосторожно сунутся... Кажется мнѣ, что Ридигеру предстоитъ блистательные случаи дать рѣшительный оборотъ войнѣ, въ особенности, ежели Пруссія останется зрительницей происходящаго, а не участницей“.

2) „Чтобы на Днѣпрѣ, на черный день, имѣть готовый резервъ, я велѣлъ двинуть къ Кіеву всю резервную дивизию 6-го корпуса; около 15-го Августа она дойти можетъ. Батальоны куда будутъ только въ 600 человекъ подъ ружьемъ. Эти 24 батальона, съ резервной бригадой 8-й дивизіи, составятъ 32 батальонный корпусъ, при 48 пѣшихъ орудіяхъ, и можно придать изъ резервной легкой кавалеріи 1-й, 2-й и 3-й легкой дивизіи 24 эскадрона и 22 кон. орудія. Думаю, что этотъ корпусъ будетъ кстати, чтобы остановить всякое дальнее покушеніе Австріи, даже, еслибъ ворвались въ Волынь и Кіевскую губернію. Кромѣ того, на лѣвомъ же берегу Днѣпра будутъ формироваться запасныя дивизіи 3-го, 4-го и 5-го корпусовъ, такъ что къ Декабрю будутъ у насъ еще новыя 72 батальона почти готовы.... Отсюда (изъ Курляндіи) рѣшился тронуть на-дняхъ часть гвардіи, дабы во-время можно подкрѣпить Ридигера и въ особенности, ежели Пруссія измѣнитъ“.

3) „Теперь въ ожиданіи, будетъ ли попытка на Крымъ. У Меншикова всего 36 батальоновъ, 48 пѣшихъ орудій, 16 эскадроновъ, 2 полка казачьихъ и 16 кон. орудій; кажется, сего довольно, чтобы отбиться съ успѣхомъ... Меншиковъ очень хорошо распорядился съ Хомутовымъ насчетъ обороны Крыма, куда я все ожидаю атаки и вскорѣ“.

4) „Послѣ славнаго дѣла Андроникова Бебутовъ 15-го Іюня перешелъ Арпачай; говоритъ, что Карсъ очень сильно и хорошо укрѣпленъ, и стараться будетъ непріятеля выманить въ поле, ибо осаждать не полагаетъ себя довольно сильнымъ. Авось, Богъ поможетъ“.

„Обстоятельства приняли въ Вѣнѣ такой оборотъ, что еще на мѣсяцъ можно рассчитывать покоя, или по крайней мѣрѣ до разрыва... Отъ Горчакова съ 29 Іюня ничего не получалъ; тогда ожидать надо было, что ежели Турки сунулись бы изъ Журжи, представилась бы давно ожидаемая возможность ихъ атаковать и съ помощью Божіею разбить... Австрія, кажется, желаетъ опять вознаграждать выгоды своего стратегическаго положенія, утеряннаго съ той поры, какъ мы, оставивъ осаду Силистріи, возвратились за Дунай... Не вѣрю, чтобы Австрія воротилась къ добру; она силится только отказать на наши предложенія сложить съ себя на Англичанъ и Французовъ, какъ будто она имъ подвластна, а между тѣмъ враждебныя козни противъ насъ усиливать и потомъ нагло на насъ напасть... Нетерпѣливо ожидаю, чтд произошло у Горчакова, и очень желаю, чтобы или разбилъ Турокъ или отступилъ, какъ было предположено, дабы обезпечиться отъ Австрійцевъ... Необходимо теперь остатокъ нашихъ силъ не разбивать врознь, а держать вмѣстѣ и вознаграждать число выгодною центральнаго расположенія, быстротою и неожиданностью дѣйствій“...

„Посылка 16-й дивизіи, какъ бы она еще не полезна была въ Бессарабіи, совершенно необходима, чтобы дать вѣроятіе намъ отстоять не только Крымъ, но и Севастополь, защита котораго, по степени сухопутной обороны, почти невозможна безъ значительной силы, такъ какъ извѣстно, съ какими способами союзники собираются атаковать. Надѣюсь, что дивизія прибудетъ еще во-время и, быть можетъ, рѣшитъ дѣло въ нашу пользу, уничтоживъ всѣ надежды враговъ на легкое овладѣніе. Такимъ образомъ—отступаемъ мы по доброй волѣ, а не по требованію Австріи, и вѣроятно, успѣемъ исполнить движеніе ранѣе, чѣмъ Австрійцы насъ атакуютъ“.

„Ничуть не вѣрю Императору, а еще менѣе каналѣ Берлю. Поэтому всѣ мѣры наши должны быть соображаемы, какъ будто разрывъ завтра. Предложенную тобою дислокацію я почти вполнѣ утвердилъ, кромѣ

малыхъ перемѣнъ, о которыхъ, для скорости, велѣлъ телеграфомъ тебя увѣдомить.... Я вполнѣ раздѣляю твое мнѣніе насчетъ важности расположенія или сбора арміи при Замосцѣ. Теперь важно знать, чѣмъ кончится экспедиція на Крымъ. Кажется, союзники жестоко потерпѣли отъ холеры и болѣзней; будемъ надѣяться на милость Божію, что Меншиковъ отобьется“.

Объ удачно исполненномъ расположеніи войскъ подъ Севастополемъ, послѣ Альминскаго пораженія, Государь отозвался:

„Это дѣлаетъ честь Меншикову, да и честь войску, которое, послѣ неудачнаго дѣла, столь мудреное движеніе совершило въ примѣрномъ порядкѣ... Сейчасъ (20-го Сентября) получилъ я курьера отъ Горчакова. Онъ предвидѣлъ мое желаніе, отправя 12-ю дивизію и резервную уланскую къ Николаеву и двинувъ къ окрестностямъ Одессы 10-ю и 11-ю съ драгунскимъ корпусомъ... Любопытно знать, Турки будутъ ли атаковать изъ княжествъ Бессарабію, а двусмысленность Австрійцевъ не обратится ли въ явное на насъ наступленіе. И тому не удивлюсь. Тогда будетъ намъ еще тяжелѣ“.

„Донесенія Горчакова¹⁾ изъ Вѣны дозволяли ожидать всего дурнаго отъ Австрійскаго правительства. Какъ полагаетъ Государь, Императоръ совершенно покорился Булю, а послѣдній дышитъ ненавистью къ Россіи и на сторонѣ союзниковъ всецѣло; слѣдовательно, можно ожидать всего. Богъ милосердъ и Одинъ можетъ отвести грозу. По донесеніямъ Меншикова, дѣла въ Крыму по 24 Сентября приняли видъ нѣсколько благопріятный, но ручаться за счастливый исходъ нельзя, хотя каждый лишній день въ пользу нашу, ибо резервы подоспѣваютъ“.

„Весьма ясно, что всѣ усилія обращены нынѣ на короля Прусскаго, чтобы угрозами заставить и его на насъ обратиться, а покуда отвлечь отъ политики Пруссіи тѣ державы, которыя въ ней, казалось, искали свой опорный пунктъ... Что же касается Австріи, то ты уже болѣе моего знаешь что готовится²⁾... Говорятъ, что будто планъ Австрійцевъ—дѣйствовать на нашъ лѣвый флангъ, въ обходъ Замосця. Брестъ, Замосць, Ивангородъ и Варшава—вотъ наши опорные пункты; маневрировать должно между ними... Богъ вѣдаетъ, что будетъ съ Севастополемъ. Опасаюсь плачевнаго исхода, хотя храбрость защитниковъ дѣлаетъ болѣе возможнаго и хотя подкрѣпленія неимовѣрно скоро подходятъ“...

¹⁾ Т. е. будущаго канцлера князя Александра Михайловича.

²⁾ Н. Н. Муравьеву Государь выражалъ опасеніе за самый Кіевъ, и хотя тотъ возразилъ, что до этого еще очень далеко, но Кіевское шоссе было велѣно испортить. (Слышано отъ Н. Н. Муравьева-Карскаго). П. Б.

„Не могу еще опредѣленно судить о томъ, что со стороны Австріи готовится; но ежели полагаться можно на послѣднія свѣдѣнія, кажется, вѣроятноѣе, что мы покуда не будемъ еще атакованы... Прилагаю здѣсь записку, мною составленную; прошу тебя вникнуть въ нее и держаться моего начертанія въ общихъ основаніяхъ. Мы не можемъ иначе дѣйствовать, какъ такъ, какъ мною въ запискѣ изложено“.

„Изложивъ такимъ образомъ взглядъ мой на наше положеніе, я долженъ просить князя Варшавскаго отступить отъ своей мысли и въ главныхъ чертахъ указать ему сей образъ дѣйствій, какъ нынѣ единственный, которому мы придерживаться должны“ *).

„Никакъ еще нельзя опредѣлить, что рѣшить король Прусскій; его легкомысліе и непостоянство не дозволяютъ разсчитывать навѣрно на его расположеніе къ намъ. Неувѣренность же, на что онъ согласится можетъ, требуетъ крайней осторожности и къ сторонѣ Пруссіи“.

„До рѣшенія Крымскихъ дѣлъ я ничего указать не могу, какія части войскъ и куда можно будетъ обратить“.

„Бросить Польши я никогда не полагалъ безъ крайней нужды, но не могъ согласиться, чтобы, отступая передъ вторженіемъ Австрійцевъ вдоль праваго берега Вислы и въ обходъ нашего лѣваго фланга, намъ бы слѣдовало стать спиною къ Вислѣ, а не къ Бресту, что не исключаетъ возможности пользоваться выгоднымъ расположеніемъ нашихъ крѣпостей, чтобы маневрировать между ними и тѣмъ остановить успѣхи непріятеля“.

„Дѣло въ Крыму еще далеко отъ желаемого успѣшнаго конца. Сейчасъ (17 Ноября) получилъ я донесеніе по 10-е число. Осадныя работы, которыя казались пріостановленными, начались снова, хотя безъ успѣха, и канонада слаба. Но ничего не указываетъ на намѣреніе отплыть. Твой планъ слово отъ слова тотъ, который я уже не разъ просилъ Меншикова принять, но донинѣ безъ успѣха, а зачѣмъ— не знаю. Между тѣмъ время течетъ, и резервы къ непріятелю подоспѣваютъ“.

„Будетъ ли Горчаковъ атакованъ Омеръ-пашею, не угадаешь; но кажется, Австрійцамъ это не нравится“.

„Основываясь на вѣроятіяхъ, я ожидаю худшаго, т. е. войны съ Австріей и по крайней мѣрѣ,—сомнительнаго расположенія Пруссіи. Идя съ сей точки зрѣнія, совершенно раздѣляю мнѣніе твое, что намъ

---

*) Князь Паскевичъ медлитъ отправкою войскъ на Крымскій полуостровъ. П. Б.

въ Польшѣ должно имѣть достаточныя силы, чтобы тамъ закрыть центръ нашей огромной оборонительной линіи и сердце Россіи. Поэтому отдѣлить 2-й корпусъ, въ цѣломъ составѣ, въ Каменецъ-Подольскъ, какъ просить Горчаковъ, не считаю возможнымъ... Горчакову при теперешнихъ его силахъ и думать нельзя что либо отдѣлить къ Каменцу. Резервный 6-й корпусъ можно будетъ къ 1 Марта замѣнить запасною дивизіей 3-го корпуса, назвавъ въ такомъ случаѣ 3-мъ резервнымъ. Теперь рождается вопросъ: не благоразумнѣе ли будетъ поставить 2-й корпусъ, вмѣсто Люблина, близъ Кременца? Это одно, чтò, кажется, могло быть полезно, но не начиная движенія ранѣе, чѣмъ ближе узнаемъ изъ Вѣны, чего ожидать можно и какой оборотъ примутъ дѣла въ Крыму“.

„Послѣднія мои извѣстія оттуда—отъ 26-го числа. Определительно сказать, чтò тамъ будетъ, не могу; но ожесточеніе Англіи и Людовика-Наполеона не знаетъ мѣры, и нѣтъ усилій, которыхъ бы ожидать нельзя было отъ нихъ, чтобы достичь своей цѣли. Ежели къ сему прибавить, что, вѣроятно, и на Петербургъ они готовятъ подобныя же усилія, сознаться надо, что наше положеніе—крайне трудное“.

„Жду, чтò будетъ на совѣщаніяхъ въ Вѣнѣ, но ничего не ожидаю, а еще менѣе отъ Австріи, которой коварство превзошло все, чтò адская Іезуитская школа когда-либо изобрѣтала. Но Господь ихъ горько за это накажетъ. Будемъ ждать нашей поры“.

„Въ послѣдней моей запискѣ я старался выразить мой взглядъ на наше положеніе. Переговоривъ же съ княземъ Варшавскимъ, убѣдился, что въ главныхъ основаніяхъ наши мысли сходятся. Ощутительная разница только въ томъ, что князь Иванъ Ѳедоровичъ придаетъ болѣе важности сохраненію Польши, особенно въ политическомъ отношеніи, вліяніемъ на Европу и преимущественно на Пруссію. Не отвергая этого, я остаюсь при мнѣніи, что, сравнительно, сохраненіе Крыма и побережья Чернаго моря едва ли не гораздо важнѣе, не только по вліянію на Европу, но и на Азію, особенно же на наши Закавказскія области. Отнюдь, однако, не полагаю, чтобы, для сохраненія нашего обладанія на Югѣ, слѣдовало бросить Польшу безъ боя, обратя всѣ наши силы на Югъ. Напротивъ, думалъ и думаю, что въ военномъ положеніи нашемъ въ Польшѣ мы имѣемъ всѣ выгоды не только охранять правый берегъ Вислы, но и значительно угрожать Австріи, еслибъ она отважилась вторгнуться въ наши предѣлы вдоль лѣваго берега Днѣстра. Князь Горчаковъ, съ оставшимися подъ его начальствомъ 4-мя пѣхотными дивизіями и съ 5-ю кавалерійскими, не въ силахъ оборо-

нять Бессарабіи и Подоліи, потому что легко можетъ быть обойденъ лѣвымъ берегомъ Днѣстра и оттого непремѣнно, съ самаго начала военныхъ дѣйствій, долженъ будетъ покинуть Бессарабію и перейти на лѣвый берегъ, что нелегко исполнить, по невѣрности переправъ“.

„По этой причинѣ, кажется, надо предпочесть оставить въ Бессарабіи корпусъ ген. Лидерса, переведа остальное на лѣвый берегъ Днѣстра, черезъ что князь Горчаковъ тотчасъ соединяется съ кирасирскимъ корпусомъ и съ новымъ 3-мъ резервнымъ, у Брацлава. Ежели непріятель станетъ наступать одновременно изъ княжествъ на генерала Лидерса и изъ Буковинъ на князя Горчакова, Лидерсу, немедля, отойти за Бендеры, гдѣ и оборонять переправы черезъ Днѣстръ, Горчакову же задерживать наступленіе Австрійцевъ и даже отважиться на битву, когда представится удобный моментъ выгодно сразиться съ ними. Въ противномъ случаѣ ему необходимо отступать шагъ за шагомъ, заманивая непріятели по направленію къ Кременчугу. Тогда настанетъ время князю Варшавскому перейти въ наступленіе“.

„Если Австрійцы въ тоже время вторгнутся въ Царство, обходя лѣвый флангъ нашей арміи, мы должны отступать къ Бресту, на соединеніе съ гвардіей. Затѣмъ можемъ, буде представится удобный случай, перейти въ наступленіе, стараясь дѣйствовать на правый флангъ Австрійцевъ, и тогда, если удастся ихъ разбить, они поставлены будутъ въ затруднительное положеніе. Имѣя за собою Вислу и крѣпости наши, занятыя достаточными гарнизонами, непріятель вынужденъ будетъ отступать къ своимъ границамъ, правымъ флангомъ мимо насъ. Мы же получимъ возможность постоянно угрожать этому флангу, слѣдуя вдоль нашей границы. Отбросивъ такимъ образомъ изъ предѣловъ Царства, станемъ угрожать той части, которая вторгнется въ Подолію“.

„Не упоминаю здѣсь о партизанахъ. Въ эту эпоху содѣйствіе ихъ принесетъ огромную пользу въ собственномъ нашемъ краѣ, въ тылу и на флангахъ противника. Ежели мы будемъ отступать къ Бресту, партизановъ должно собрать въ Новогеоргіевскѣ и Александровской цитадели и, смотря по обстоятельствамъ, бросить ихъ на флангъ и тылъ непріятели или вверхъ по лѣвому берегу, и наводнить край, при чемъ они всегда будутъ имѣть вѣрное убѣжище подъ стѣнами крѣпостей“.

„Вытѣснивъ Австрійцевъ изъ Царства, думаю, что гренадеръ и гвардію слѣдуетъ оставить за Вепржемъ, остальные же войска (4 пѣхотныхъ дивизіи и 2 кавалерійскія) желалъ бы немедленно двинуть на

Дубно и Кременецъ. Если бы князь Горчаковъ не удержалъ Австрійцевъ, полагаю, что ему должно идти вверхъ по лѣвому берегу Днѣстра, напирая справа своею сильною кавалеріею. Тоже ему предстоитъ и тогда, когда не удалось бы разбить Австрійцевъ, но они сами приостановили бы наступленіе, озабоченные движеніями нашей арміи изъ Польши“.

„Наконецъ, если бы Австрійцы, раздѣлясь на три главныя части, начали одновременное движеніе на Царство, въ Подолію и Бессарабію, думаю, что намъ должно слѣдовать тому же плану дѣйствій. Лидерсъ, отступивъ за Бендеры, можетъ съ успѣхомъ оборонять переправы черезъ Днѣстръ. Буде Австрійцы отважатся совершить переправу на нижнемъ Днѣстрѣ, князь Горчаковъ оставитъ часть своихъ войскъ, съ кавалеріею, противъ непріятели вышедшаго изъ Буковины, а съ остальными усилитъ Лидерса, притянувъ даже резервъ изъ Николаева. Или, наоборотъ, если Австрійцы, наступающіе лѣвымъ берегомъ Днѣстра, значительнѣе того отряда, который вторгнется въ Бессарабію, Горчаковъ можетъ оставить у Бендеръ только часть войскъ Лидерса, поддержавъ ее изъ Николаева, остальную же притянуть къ себѣ, для рѣшительнаго сраженія“.

„Въ самомъ горестномъ случаѣ, когда мы вездѣ потерпимъ неудачи, армія наша въ Польшѣ имѣетъ путь отступленія на Бобруйскъ, Горчаковъ—на Кременчугъ, Лидерсъ—на Николаевъ. Здѣсь же намъ должно вѣзмъ лечь, но не отступать“.

„До сей крайности, уповать можно на милость Божію, не дойдетъ, если взаимныя дѣйствія армій будутъ согласованы такъ, чтобы отразились на общій ходъ дѣла, помогая одни другимъ. Конечно, превосходство силъ останется на сторонѣ нашихъ враговъ, но искусное руководство можетъ силы уравнивать. Мы одушевлены правотою нашего дѣла, обороняемъ свой родимый край противъ дерзкихъ и неблагонадежныхъ, вѣроломныхъ союзниковъ. Эти чувства удваиваютъ нашу нравственную силу. Нужны осторожность, рѣшимость, дѣятельность, отважность и въ особенности отстраненіе всякой личности, имѣя въ глазахъ постоянно одно благо, одно спасеніе чести Русской. Мы должны или побѣдить или умереть съ честью“.

*

Этими великолѣпными словами заканчиваются письма императора Николая къ князю Паскевичу. Нынѣ оказывается, что Севастополь продержался одиннадцать мѣсяцевъ благодаря его заботамъ: знаменитые редуты, Камчатскій, Вольнскій и Селенгинскій устроены не только по его приказанію, но и по его своеручнымъ чертежамъ (онъ смолоду занимался инженернымъ дѣломъ), а Тотлебенъ только былъ исполнителемъ. Записка о томъ Н. ѳ. Дубровина до сихъ поръ не обнаружена. П. Б.

Новый Государь, на другой же день своего воцаренія, писалъ къ князю Паскевичу: „Зная, любезный князь, ваши неизмѣнныя чувства къ нашему незабвенному Государю и благодѣтелю, хочу передать вамъ его послѣднія слова къ своему отцу-командиру. Вотъ онѣ: „Душевно благодарю кн. Варшавскаго за его искреннюю преданность и дружбу и за тѣ геройскіе подвиги, коими возвеличилъ славу нашего оружія и попраля измѣну“.— Слова эти вѣрно глубоко отзовутся въ вашемъ благородномъ сердцѣ. Да будутъ онѣ залогомъ и моихъ собственныхъ чувствъ къ вамъ, искренней привязанности и уваженія къ вашимъ заслугамъ Царю и отечеству“.

Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ этихъ строкъ, фельдмаршалъ, по прочтеніи ихъ, перенесся въ прошлое и припомнилъ свою бесѣду съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, происшедшую въ Москвѣ еще 20-го Августа 1851 года, которую и воспроизвелъ затѣмъ въ особой запискѣ. Въ ней князь Паскевичъ излагаетъ: „Около 2 час. дня Государь удостоилъ меня посѣщеніемъ и, посадивъ возлѣ себя на диванъ, началъ говорить объ истекшихъ годахъ своего 25-лѣтняго царствованія. Ты, отецъ-командиръ, сказалъ онъ со слезами на глазахъ, прославилъ мое царствованіе; ты со славою окончилъ четыре войны и тѣмъ упрочилъ благосостояніе Россіи. Одинъ Богъ надоумилъ меня послать тебя въ то самое время, когда дѣла наши въ Персіи принимали столь дурной оборотъ. Я былъ тогда молодъ и неопытенъ, и выборъ мой могъ пасть на другого; но Провидѣніе указало мнѣ на тебя для великихъ дѣлъ, тобою совершенныхъ... Послѣ этихъ незабвенныхъ словъ потекли у меня слезы радости и умиленія, и Государь, говоря со мною, также почти рыдалъ“.

*

Князь Паскевичъ не пережилъ и году столь сердечно расположеннаго къ нему Государя: онъ скончался 20 Января 1856 года. Письма къ нему содержатъ въ себѣ важнѣйшія показанія для исторіи Россіи и для біографіи Николая Павловича, которой мы еще полной не имѣемъ (такъ какъ Н. К. Шильдеръ не успѣлъ окончить ее). За обнародованіе ихъ подобаешь благодарность Русскихъ людей единственному сыну фельдмаршала, князю Феодору Ивановичу. Онъ и единственный сынъ другаго фельдмаршала князь С. М. Воронцовъ, озаботились исторіографическимъ увѣковѣченіемъ славной памяти своихъ родителей. П. Б.

